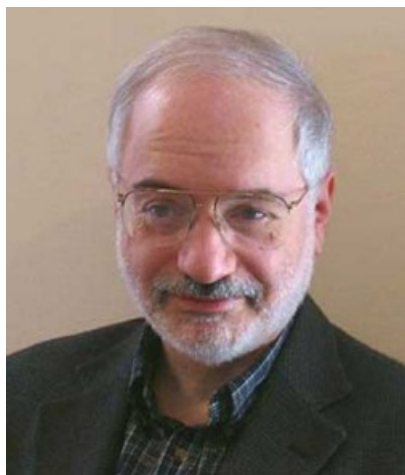

Русский язык против нехоти

В России выбирают слово года. Оно призвано описать текущее состояние российского общества. Судя по предварительным результатам, общество находится на грани эмоционального срыва. Об этом в интервью Радио Свобода рассказал филолог, философ, куратор конкурса Михаил Эпштейн.

"Слово года" выбирают пользователи Интернета и эксперты-лингвисты. Конкурс состоит из четырех номинаций: кроме слова года выберут выражение и неологизм года, а также неологизм, связанный с интернет-тематикой.

В России конкурс проводится в третий раз, но впервые в голосовании принимают участие все желающие, а не только эксперты. Это позволило куратору конкурса Михаилу Эпштейну, филологу, философу, профессору университета Эмори в Атланте, составить портрет носителя русского языка.

В интервью Радио Свобода он рассказал, почему в России говорят на истерическом языке, почему кризис словотворчества связан с низкой рождаемостью и почему Россия утратила свое имя.

– Слово года и мысль года для вас одно и то же?

– И да, и нет. Мысль выражается словами, а слово содержит в себе самостоятельную мысль. Но между ними, конечно, нельзя ставить знак равенства: как правило, мысль выражается совокупностью, взаимоотношением слов. Но есть и такие слова, которые сами по себе содержат мысль. Как раз несколько номинаций в нашем конкурсе, такие как "Неологизм года" и "НеТологизм года" (сетевой неологизм), – это слова, которые соединяют языковые морфемы и очень явно содержат в себе новую мысль. Они могут рассматриваться как целое предложение. В них впервые происходит соединение тех смыслов, которые содержатся порой в морфемах. Например, "брехлама" – неологизм, который занимает сейчас первое место в конкурсе, если суммировать экспертное и народное голосование на портале Имхонет. "Брехлама" – это реклама, в которой есть брехня и хлам. Это целая мысль: в одном слове выражен не только предмет, но и отношение к данному предмету, суждение о нем. Или, например, слово "вампьютер", которое довольно высоко стоит в голосовании по сетевым неологизмам. Это компьютер, который действует, как вампир: поглощает время и душу пользователей, пьет из них кровь. Это слово – целая мысль, суждение.

– В одной из своих статей вы писали, что одно слово может быть литературным жанром, в котором "максимум смысла" сочетается с "минимумом языкового материала". Этот жанр – однословие. Кто, по-вашему, способен в России выразить максимум смысла?

– Для меня в жанре однословия – слова как целого произведения – важно не столько "кто", сколько "что". Мне кажется, русский язык содержит в себе такое огромное количество пустот, лакун, требующих заполнения, что у нас героем этой творческой деятельности может стать любой. Хотя, конечно, я представляю его в образе молодого человека, скорее всего, писателя или филолога, понимающего критическое состояние родного языка, который на протяжении десятилетий развивается за счет обогащения резервами других языков, прежде всего, английского. Практически утратилась способность создавать слова на основе исконно русских корней.

Полный негодования и боли за родной язык, такой человек начинает действовать в этом языке так, как действовали Владимир Даль, сочинивший десятки тысяч русских слов и выдавший их за уже существующие в своем словаре; Велимир Хлебников, Андрей Белый, Игорь Северянин, Владимир Маяковский... Для меня существенно само место, которое лингвистический дизайн, заполнение словесных семантических и мыслительных лакун должны занимать в современном обществе среди гуманитарных профессий. Это место еще не обозначено, и это тоже своего рода лакуна.

Словопроизводство – это род мыслепроизводства. Последние предметы языкового экспорта в России – "перестройка" и "гласность". Поскольку Россия двадцать лет ничего не экспортировала – никаких идей, слов, новых понятий – есть лишь сплошной импорт: каждый день в русский язык вливаются десятки новых слов, которые впору будет скоро переводить на латиницу. Большая часть лексического состава будет более прозрачно изображаться на латинице: мерчандайз, бодибилдинг... На кириллице это выглядит нелепо, а латиница здесь как раз уместна.

Перед русским языком сейчас стоят радикальные задачи и возможности метаморфозы – в сторону либо самоутраты, либо самообретения. Поэтому, как мне кажется, должен появиться не один человек, а целое поле деятельности или, как говорил Оруэлл, коллективный Джойс. Их задача - обнаружить в русском языке способность обновляться лексически, грамматически и, прежде всего, концептуально.

– Кроме мерчандайзинга есть истеблишмент, клининг... Давно идет спор: англоизация произошла из-за агрессивной глобализации или из-за слабости носителей русского языка? Какую сторону вы в этом споре занимаете?

– Кто перевирает слова каждый день? Кто английский mail превращает в мыло? (В номинации "Неологизмы" есть российский аналог "E-mail": "эля", "элечка", "элька". - PC). Кто использует эти бесконечные "менеджер", "менеджер", "клининг" и "маркетинг"? В этом виноваты не конкретные носители языка, а виновата та ситуация творческого бесплодия, в которой Россия оказалась в последнее десятилетие. "Кто виноват?" – вопрос метафизический. Здесь уместно ставить другой вопрос – "Что делать?"

Мне кажется, время рожать: производить детей и производить мысли. Я полагаю, демографический и лексикографический кризис взаимосвязаны: поскольку нет воли к производству смыслов, нет воли к производству жизни. Это и означает деградацию, вырождение: интеллектуальное и биологическое, демографическое. Я уверен, что когда начнут производиться новые идеи-смыслы, возрастет и воля населения к тому, чтобы производить себя более темпераментно, множиться и наполнять землю собой, как сказано на первых страницах библии. А земля-то пустует, и язык тоже пустует. Так что мне кажется, стоит перевести вопрос из обвинительно-судебной в деятельно-практическую плоскость.

– Слова-финалисты в основном связаны с политикой и экономикой: антикризисный, перезагрузка, государственнопредпринимательский, девальвация, Медвепутия... Как, на ваш взгляд, это сочетается с утверждениями некоторых российских социологов об апатии и аполитичности граждан? Если политика на устах, есть ли она на уме?

– Не только в России, но и в Америке и Японии в таких конкурсах, как правило, на первом месте оказываются слова либо политические, либо технические. Скажем, в Японии в этом году победили иероглифы, означающие смену власти, правительства, которая недавно произошла в Японии. Естественно, что политика и техника – это области наиболее быстротечные и широко отражаемые в прессе. Так что я бы не сказал, что это свидетельствует об особой политической активности и сознательности современных российских масс. Это то, что бросается в глаза как явление своевременное, злободневное.

Мне кажется, то слово, которое побеждает сейчас в разряде неологизмов – "нехоть" – тоже хорошо характеризует состояние общественной психеи. Нехоть – это состояние, когда ничего не хочется. Сама акция "Слово года" как раз и направлена на то, чтобы общество включилось в процесс активной саморефлексии, осознало себя. Важна не только фигура "Человек года" – легче всего указать пальцем на того, кто чаще всего появляется по зомбоящику (еще одно слово, которое занимает первое или второе место в конкурсе, означает телевизор). Важно слово года, понятие года, которое побуждает к мысли, активному отношению к производству семиосферы, знаков, значений. Потому что важно, чтобы люди составляли словесный портрет своего времени, осмысливали себя в словах.

– В 2008 году одним из трех слов года было слово "великодержавность". В этом году главным словом может стать "Медвепутия". Медвепутия – это сегодняшняя Россия или лишь то, во что она может превратиться в будущем?

– Медвепутия – пародийное, передразнивающее слово. Наряду с Медвепутией в конкурсе участвуют слова "дуумвират" и "тандем". Это отражение реальности: есть два главных лица, и мы называемыми их сдвоенными именами нашу страну. Оно, с одной стороны, насмешливое, презрительное: мы живем в Медвепутии. А с другой стороны, подчеркивает, что страна теперь не Россия, а именно Медвепутия. Что в ней осталось от России и россиян, если в ней слышны только два голоса, вторящих друг другу?

– В Медвепутии есть существительное "религархия" и прилагательное "государственнопредпринимательский" ...

– Я называю это тоталогизмами – словами, подчеркивающими тотальность, целостность. Тоталитарная идеология очень любила склеивать противоположные понятия в одно. Например, материалистическая идейность, оптимистическая трагедия, интернационально-патриотическое воспитание. В этом и состоит существо тотальности: она склеивает противоположности и выдает себя за всеобъемлющее.

В понятии "государственнопредпринимательский" отразилось сращение государства и бизнеса. Оно столь же важно в российском обиходе и ментальности, как "частнопредпринимательский", потому что государство выступает сейчас как едва ли не самый мощный предприниматель.

Слово "религархия" свидетельствует о новой роли церкви. После смены патриарха совершенно четко обозначилось соединение церкви и государства при формально конституционных условиях их неперменной отдельности. Тем не менее, мы видим, что церковь встраивается в эту иерархию, и наряду с олигархией мы имеем религархию. Верхушка церкви и верхушка государства сращиваются между собой идеологически, организационно, структурно, что и отразилось в относительно новом понятии "религархия".

– Говоря о России и русском языке, нельзя не сказать о матерном слове. Изменилась ли роль мата в русском языке, на ваш взгляд?

– Я не сторонник и не любитель матерщинного обихода, который становится уже не ощущаемой в качестве неприличной частью российского словесного этикета. Мат перестает быть неприличным, на нем говорят интеллигенты, его можно услышать на улицах от женщин, от детей. Недавно был во Владимире, рядом с центральным храмом города юноши и девушки говорили о каких-то бытовых вещах, используя мат: в этом не было ругни, это не был бранный язык, это был способ описания каких-то повседневных вещей. Я считаю, что это очень дурно сказывается на отношении народа к эросу, сексуальной стороне жизни. Потому что когда мат из языка исторически сакрального или, наоборот, резко профанического, кощунственного, становится повсеместным и применяется ко всему, тогда все становится безразлично...

– Нехоть?

– Да, это выражение этой нехоти. То, что все эти слова обозначают определенного рода органы, назначенные для деторождения, как раз и говорит о выхолощенности не только языка, но и биологической природы. Ведь мат – это все-таки по происхождению ругань. Когда мы ругаем священножизнепроизводящее, мы загрязняем свой собственный источник жизни. Разлив матерщины в обществе символически взаимосвязан с демографическим кризисом. Нет священного трепета жизни, страха перед поношением драгоценного порыва, который нас производит из ничего. Есть деградация жизневоли.

– Слова и фразы-финалисты, такие как "голодообразующее предприятие", "государственное предпринимательство", "пандемия", "кризис", "вторая волна кризиса", "газовая война", описывают негативные явления, слов о явлениях положительных нет. Это характерно только для России?

– Российская особенность – слова с сильной экспрессией. В словах русского языка не только называется нечто, но и выражается отношение к предмету: либо сильно положительное, либо сильно отрицательное. Преобладание таких слов в речевом обиходе или среди слов-финалистов – характерная особенность российской ментальности. Среди слов года много жаргонизмов, опять-таки не нейтральных слов, а экспрессивно заряженных. К ним относятся та же Медвепутия, зомбоящик, обЪЕГЭрить (обмануть на сдаче единого государственного экзамена), криминалиссимус (высочайшее лицо преступного ранга типа Сталина или, с другой стороны, Иванькова), евсюковщина, нанопрезидент (маленький по росту и, может быть, по сущности президент, пропагандирующий нанотехнологии). Все эти слова – издевательские, с подковыркой. Таких слов действительно не так много среди лидеров подобного рода конкурсов в США или Германии. Это особенность русского языка – языка не столько мысли, рассуждения, размышления, сколько эмоциональных встрясок, эмоциональных отношений. Русский язык – истерический, параноидальный. И он выражает состояние общества.

– Слова истерического языка позволяют предсказать, например, социальный взрыв?

– Да. Уже сейчас мы видим накал, кипение и перекипение общественного эмоционального настроения. Голодообразующее предприятие, к примеру, передразнивает городообразующее предприятие. Это все знаки эмоций, выходящих из-под контроля. Максим Кронгауз назвал свою недавнюю книгу о русском языке "Русский язык на грани нервного срыва". То же самое можно сказать о многих словах, составляющих самые яркие

единицы современного языка: эти слова - на грани экспрессивного перенапряжения. Произойдет ли это в следующем году, или через два года, или три... Я наблюдаю этот процесс на протяжении трех лет. Впервые выборы слова года проходили в 2007 году, и я вижу, что именно по этой линии идет нарастание негативной экспрессивности. В 2007 году словом года был "гламур", в 2008 - "кризис". Сейчас мы не знаем точных результатов, но тема кризиса является центральной для нынешнего слова года в России - в отличие от Японии и Соединенных Штатов, где о кризисе, судя по результатам конкурса, забыли или стали забывать. У нас "антикризисный", "вторая волна кризиса", "новые бедные" находятся в самом верхе списков. Дело не только в кризисе как экономическом явлении, дело в кризисном, критическом состоянии духа. Поэтому в России тема кризиса так надолго зафиксировалась: она указывает на нечто более глубокое, чем экономика - на то дно, которого страна касается.

Каждый мог выдвигать свои слова на конкурс. Среди слов были "надежда", "возрождение", "Ренессанс". Эти положительные, радостные слова не прошли даже в полуфинал. Всякие сдвиги вроде "вертоман" (виртуальный маньяк) или "осетенелый" (тот, кто наркотически зависит от сети), чатнутый (помешанный на чатах) - то есть слова, выражающие экстримы человеческой психики, пользуются наибольшей популярностью. Так что мы находимся в преднадежье.

Автор: Елена Власенко © Радио Свобода КУЛЬТУРА, МИР 👁 8035 07.12.2009, 09:25 📌 408
URL: <https://babr24.com/?ADE=82663> Bytes: 14445 / 14170 Версия для печати Скачать PDF

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Елена
Власенко.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasysar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/@tomsk24_link_bot)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/@babrobot_bot)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)